

Ничто так не согревает холодными вечерами, как объятия любимого человека. Но что делать, если в новогоднюю ночь ты остался один?

Вероника решила отправиться к подругам, но застряла на дороге. И встретила Новый год с симпатичным таксистом...

Дед Мороз Анатолий, перепутавший квартиры, попал в гости к девушке Ане. Ему кажется, что они знакомы сто лет. Быть может, это судьба?

В новогоднюю ночь любовь можно случайно встретить в очереди в супермаркете, или в пустом парке, или в поезде. Главное — верить в чудо, и оно обязательно случится!

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5076-5



СИМОНА ВИЛАР
СВЕТЛАНА ТАЛАН
НАТАЛЬЯ КОСТИНА

НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ



СИМОНА ВИЛАР
СВЕТЛАНА ТАЛАН
НАТАЛЬЯ КОСТИНА

НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ

ЛЮБОВЬ ПРИХОДИТ К ТЕМ,
КТО ВЕРИТ В ЧУДЕСА





СИМОНА ВИЛАР
СВЕТЛАНА ТАЛАН
НАТАЛЬЯ КОСТИНА

НОВОГОДНИЕ --- ИСТОРИИ

Сборник

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2018  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Н74



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Евгений Кривой*

- © Гавриленко Н., Талан С., Костина Н., Печорная Е., Коваленко В., Лесовикова Е., Винник Т., Матвеева Г., 2018
- © freerik.com, 2018, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ISBN 978-617-12-5076-5

Симона Вилар



ДОМОВЕНОК

Домовенок хотел стать человеком.

Обычно нелюди о таком не помышляют. Зачем? Ведь живут они куда дольше простых смертных, без проблем и страхов, без кипения чувств и страстей — так, как и полагается проводить свой долгий век бездушной нежити. Люди же проживают свой короткий век в трудах и заботах, бурно радуются и мучительно переживают, к чему-то стремятся, чего-то добиваются. Суетно как-то. Поэтому всякой нечисти эти имеющие душу смертные представляются существами неумными, сжигающими самих себя. Однако наблюдать за людьми, ведущими совсем иное существование, духам и иной твари интересно — это их развлекает, вносит в их долгое бесстрастное бытие некую остроту и яркость. Но чтобы кто-то захотел стать человеком... смертным... и исчезнуть так скоро... Даже представить страшно!

И все же Домовенок хотел хоть немного побыть человеком.

Он и сам не мог припомнить, когда у него появилось это желание. Он вообще не очень-то понимал, что значит «давно» и чем оно отличается от «сейчас». Просто с некоторых пор понял — никогда ему не стать настоящим домовым. Ибо у домового должен быть дом, чтобы считать себя полноправным духом. У Домовенка же с этим все время не ладилось. И в нем поселился страх. Вот, наверное, тогда и возникло это желание — стать не просто духом, а немного пожить по-настоящему. Иначе вообще исчезнешь, так и не поняв, существовал ли ты когда-нибудь.

А ведь как хорошо все начиналось! Пришли люди и поставили на отроге Щекавицы небольшую избушку. Не в самом огороженном частоколом граде на высотах Киева, не на Подоле у Днепра, а именно на хребте горы Щекавица, где пришлым чужакам было дозволено селиться. Вот пришлые и соорудили бревенчатый сруб, сверху кровлю настелили, рядом пристроили небольшую клетушку для инвентаря и десятка кур-несушек. А потом самое главное — принесли в горшке горячих углей, взятых у кого-то из уже живших в округе полян. И как запылал в очаге нового дома свой огонь — Домовенок и появился.

Домовой обычно растет вместе с домом, но никогда не суется на глаза хозяевам. Правда, может показаться хозяйским детям, когда те еще совсем малы, — это духи любят. Нравится им попугать глупых маленьких человечков, нагнать на них страху. Зайдется вдруг ни с того ни с сего плачем дитенок, взрослые всполошатся, носятся с глуздырем, укачивают, а домовому веселье. Наблюдает, подхихикивает из подпола. И знает, что младенец ничего объяснить не может. Самих хозяев домовый побаивается, и если пакостничает, то только исподтишка. Однако рачительные хозяева, зная, как умастить домашнего духа, крынку с молоком на ночь оставляют у дверей. Для домового ничего слаще этого нет. Тогда он даже по хозяйству берется помогать — уголек там выпавший из очага затушит, пробравшихся в закрома мышей отпугнет, пыль сдует с притолоки.

Но в недавно построенном у Щекавицы доме Домовенок был еще мал, поэтому просто сидел под порогом, вздыхал да прислушивался, о чем хозяева толкуют. Ведь любопытно же, что там у них происходит! И узнал он, что мужчина и женщина, поставившие избу на отроге горы, были людьми пришлыми, приплывшими по Днепру в Киев из далекого северного Новгорода. А покинули они свою землю потому, что в том далеком Новгороде появился новый правитель, иноземец Рюрик, но против него начались возмущения, вот нынешний хозяин Домовенка и пристал к некоему воеводе, прозывавшемуся Вадим Храбрый. Вскоре отряды Вадима были разбиты Рюриком, и многие из тех, кто стоял за ним, съехали, отправившись искать счастья на чужбине. Вот и хозяева Домовенка, молодые супруги с малым дитем, тоже были из таких.

Домовенок слышал, как хозяин говорил жене:

— Не грусти, родная. Хороший плотник нигде не пропадет, а новгородские плотники и в Киеве слывут лучшими умельцами. Так что будет у нас работа, обустроимся не хуже, чем в Новгороде.

Что хозяин Домовенка был и впрямь умелец, дух дома понял быстро. Он и крылечко возвел со ступеньками, и столбики фигурные вытесал, навес шатровый сколотил, кровлю украсил резным коньком. Нравилось Домовенку по ночам взбираться на этого конька, сидеть на нем, свесив мохнатые лапки. Был собой Домовенок весь такой серый да лохматый, глаза-бусинки из-под космеле проблескивают, но знал, что со временем станет он походить ликом на своего хозяина, — так уж заведено у домовых, если долго живут с людьми.

И все вроде шло хорошо поначалу — хозяин работал, жена его хлопотала по хозяйству, второй ребеночек у них со временем появился. Но потом приключилась беда.

Принесли хозяина какие-то люди, рассказали плачущей хозяйке, как мужа ее привалило бревном на строительстве терема на Горе Киевской. Обнадеживали — отлежится немного да и оклемается.

Однако не сложилось. Стал хиреть и болеть хозяин, кровью кашлять. А там и помер.

Домовенок сидел тихой тенью под крылечком, смотрел, как к хозяйке какие-то люди приходят, говорят слова утешительные, снедь всякую несут, чтобы продержалась. Ох и горевала хозяйка, детки ее пищали, плакали! Домовенку все это было страсть как любопытно. Но время шло, и стал Домовенок походить на эту женщину, потому как надо же духу домашнему на хозяев равняться. Не от детей же хозяйских обличье перенимать! Да и помер вскоре младшенький.

К вдове же новгородца-плотника начали какие-то мужики похаживать да на ночь оставаться. Домовенок все ждал — вот какой-нибудь из них останется насовсем, начнет хозяйством заниматься, дом укреплять. Но опять не сложилось. А потом как-то собрала женщина пожитки в узелок, взяла старшенького своего за руку и, подперев дверь колом, ушла невесть куда. Домовенок ее ждал, вздыхал в тиши. А сколько ждал? Духи о времени понятия

не имеют. Но затем начал он волноваться, оттого что сыро в избе, очаг простыл, с потолка капать начало. Плохо в пустом доме. Скучно. Да и без жильцов домово́й вовсе сгинуть может.

Но однажды пришли в подзабытый домишко двое каких-то мужичков, поселились, стали хозяйствовать. Корзины плели, на рыбные ловы уходили. Домовенок повеселел с ними. Обликом то на одного, то на другого походил — какая ему разница на кого. Понял, что мужички — братья, да только догадываться стал, что хозяева они не больно рачительные. Крыша вон как текла, так и течет, краска на коньке облупилась. Но Домовенку все равно нравилось сидеть ночами на нем, смотреть на низину Подола, где всегда было шумно илюдно, можно было рассмотреть, как в Почайну заходят струги речные, сворачивают широкие паруса. Под отрогом Щекавицы протекал ручей Глубочица, и там порой толпы людей собирались: бабы стирали у мостков, мальчишки с удочками сидели, молодежь сбивалась в стайки, пели, шумели, гонялись друг за дружкой. Интересно люди жили, весело!

Но тогда Домовенок еще не подумывал человеком стать. Ему и с братьями не худо жилось, слушал, о чем они меж собой толкуют. Так он узнал, что князьями в Киеве стали Аскольд с Диром, суровые варяги, и что собираются они ходить в дальние походы. А позже старший из братьев заявил, что подумывает прикнуть к князьям следующей весной.

Как-то пришел он в дом в воинском облачении — копытный доспех, на голове клепаный островерхий шлем, копье длинное, круглый щит за плечом. Младший на него смотрел с грустью, говорил, что боязно ему за брата, что рискованное дело тот задумал. Но старший настоял. И ушел.

Больше Домовенок о нем ничего не слышал. А младший из братьев со временем грустить стал, одиноко жил, ни с кем не общался. Да и дом совсем запустил. Годы шли, Домовенок на него все больше ликом походить стал — такой же унылый и молчаливый сделался. Даже на коньке посиживать разлюбил. Только когда в Киеве случались большие празднества, немного оживлялся. Знал, что внизу, у Почайны, где располагалось капище Велеса, творят большие жертвоприношения, и тогда казалось, что сам Велес незримо везде присутствует. От этого Домовенку хорошо становилось. Совсем

не так, как бывало, когда Перуна на Горе Киевской чествовали, когда грозы шумели и сам Перун проносился по небу на своем ветряном коне. Ох, как же боялся Домовенок Перуна! Громовержец нежить не любит, может и молнию метнуть. Прятаться тогда надо!

Хозяин Домовенка на празднества обычно не ходил. Домовенок же узнал как-то от ночного блазня, что хозяина его никто не любит, оттого и бирюком его зовут. Говорят, что до того, как старший брат его погиб в походе князя Аскольда на Царьград, он еще как-то общался с окрестными жителями, а ныне совсем одичал. Но домашнему духу надо держаться за того, кто в доме хозяин. Пусть тот и скверно хозяйствовал — куры у него дохли, коза молока мало давала, да и не любил Домовенок эту козу желтоглазую. Вот завел бы его хозяин корову или овец — еще куда ни шло. Тогда бы с ними и дворовой поселился, было бы с кем поболтать по ночам. А так живет Домовенок с бирюком-хозяином, стареет вместе с ним. Но кое-как живет.

Хуже стало, когда однажды по сырой поре слег его хозяин, кашлял и хрипел несколько дней, а потом и вовсе затих. Со временем и запах дурной от него пошел. Но Домовенку-то что? Он теперь ждал, когда еще кто придет.

Уже и солнце припекать начало, когда пришли к избенке какие-то бабы, заглянули за разбухшую от весенней влаги дверь — и с визгом прочь. Потом волхвы явились, привели рабов в рубище, приказали похоронить полуразложившегося мертвеца. После чадили в доме густым дымом, изгоняли дух усопшего. А меж собой говорили — мол, худо, когда люди покидают роды семейные и вот так живут и умирают в одиночестве, никому не нужные. Да и дом этот плохой, может, и вовсе спалить его?

Ох, как же испугался тогда Домовенок! Для духа домашнего потерять дом — хуже некуда. Он для долгого существования из огня домашнего появился, но если дом сжечь, не станет ни дома, ни домового.

Но волхвы, похоже, передумали. Теперь, сказал один, при новом князе Олеге, много народа стало в Киев стекаться. Олег тот — правитель удачливый, вот под его руку и потянулись люди в Киев-град, селятся по всей округе. А потому дом на хребте Щекавицы трогать не стоит. Мало ли кто еще тут приживется.

Домовенок тоже на это надеялся и ждал нового хозяина. Без людей-то скучно. Да и плошку с молоком никто у порога не поставит, не побалует. Хозяин-бирюк уж на что не хозяйственный был, и то нет-нет, а ставил. А как издохла эта коза... Совсем грустно было домашнему духу без хозяина. Только и слушал, о чем иные природные духи переговариваются. То ветер свистнет, застучит покосившимся ставнем, то травяники зашепчутся в разросшейся у плетня крапиве, а то и волколак какой забредет в промозглую зимнюю ночь, завоюет на луну, пугая окрестных жителей.

Домовенок без хозяина совсем маленький стал, почти прозрачный, безликий и едва различимый. Вот тогда он и загоревал, жалея, что однажды может просто истаять, будто и не было его. Вон люди — те живут пусть кратко, но полной жизнью. И он впервые подумал, что готов стать хоть на краткий миг человеком, побродить по свету, спуститься к водам ручья Глубочицы, пощупать, какая она. Сам удивился, что о таком мечтает.

А потом — о радость! — вновь поселились в избушке люди. Старичок со старухой, у которых внучка была славница. И опять хорошо зажилось Домовенку. По вечерам, как и прежде, слушал, о чем люди бают. Интересно-то как! А они говорили, будто большая свадьба на Горе Киевской была, князь Олег своему воспитаннику Игорю привез из далекой Псковской земли невесту, Ольгой нареченную. Хозяйская внучка-славница даже ходила на то великое ликование поглядеть, поздно вернулась, да еще и с парнем пришла; целовалась с ним за плетнем, пока дед не заметил. Выскочил он с хворостиной и давай ухажера внучкиного обхаживать. Девушка же кричала, обижалась. Но и ей хворостиной перепало. Домовенок вдосталь насмеялся. Весело все же с людьми, есть на что поглядеть.

Но такая жизнь длилась недолго. Внучку хозяйскую вскоре просватали, она ушла, а старики остались. Тихо жили, зато как радовались, когда внучка замужняя их навещала! Да только век людской короток, умерли оба — сперва старушка, за ней и старик. А внучка с тех пор больше не приходила. Вновь опустел домишко на отроге горы.

Дожди шли, проникая под недавно чиненную кровлю, снегом избушку засыпало. По весне глинистый склон стал оплывать, домишко совсем покосился, никто там селиться не хотел. Домовенок

грустил, мяукал темными ночами, как кот, — может, хоть кошка какая придет на голос, будет на кого посмотреть. Кошки и впрямь порой забирались в пустующее строение, одна даже котятков вывела. Детишки как-то забрели, играли с котятами. Домовенок думал, что, может, хоть детки поселятся тут. Но тех матери кликали — и опять пусто. А котята выросли и разбежались.

Домовенок теперь даже случайным гостям радовался. Останавливались на ночлег какие-то калики перехожие, спали на пыльных половицах, жевали хлебушко да беседовали. Домовенку и их послушать было интересно. Так он узнал, что князь Олег ходил походом в далекие края, да удачно, витязи его обогатились, терема высокие по всему Киеву ставят. «Терема...» — вздыхал Домовенок. Вот бы где домовым стать! Но ведь не переберешься со своего места. Это только люди идут, куда захотят. Он же сидит тут сиднем, все меньше становится. Даже пришлые калики его не замечают. Хотел он подобраться к ним поближе, так смахнули портянкой, как пыль, даже не заметив. А потом ушли. И Домовенок опять подумал, что человеком быть хорошо. И эта мысль уже не показалась ему странной.

Потом в его домишке начала собираться на посиделки окрестная детвора. Пекли репу на камнях очага, ели ее, присолив, орешки щелкали, болтали о всяком. Из их рассказов Домовенок и узнал, что князю Олегу волхвы будто бы предрекли умереть от коня его и князь, чтобы не случилось беды, услал своего длинногривого любимца. Но вскоре конь тот помер, а Олег, прознав об этом, сперва закручинился, а потом стал зло насмехаться над волхвами — мол, лжецы. И пошел посмотреть на кости павшего скакуна, да ступил ногой на его череп — а оттуда змея! Укусила князя, он и помер. Мальчишки ахали, волновались, жутко им было. Говорили, что волхвов слушать надо, что они мудрее тех христиан, что селятся на Подоле и рассказывают о своем Иисусе Христе, которого никто тут, в Киеве, не видел, и еще неизвестно, стоит ли в него верить.

Домовенок тогда сильно разволновался, страшно ему сделалось. Может, потому, что понимал — и эти уйдут, оставят его зыбкой тенью, которая однажды исчезнет. А может, просто неудобно ему сделалось от вестей про этого Иисуса. Раньше ведь о нем никто не говорил, не упоминал — ни бывшие хозяева, ни путники,

ни сквозняки, что вечно что-то лопочут под стрехой. Даже сороки, разносящие вести, не пробалтывались. Теперь же — Иисус... И такой страх вдруг нашел на Домовенка, что захотелось ему уйти хоть куда-нибудь. Да как уйдешь? Он дух дома, его место здесь. И Домовенок остался в своей ветшающей избушке.

Как и прежде, если кто-то заходил в дом хоть ненадолго, он подрастал и надеялся, что нечаянный гость останется. Однажды парочка полюбowników повадилась приходить, чуть стемнеет: бросали на половицы мягкие овчины, любились страстно, стонали, дышали бурно, вскрикивали — ох, как же Домовенку было любопытно за ними наблюдать! Но еще до первых петухов полюбownики уходили. А потом женщина одна пришла: ждала, ждала своего милого, плакать начала. Да так горько! Но Домовенку от ее горя еще интереснее сделалось. До чего же бурно и необычно люди себя ведут! Вечно у них что-то происходит.

Женщина эта еще не раз приходила, сидела, ждала. Когда она тихо сидела, Домовенку было забавно ее растормошить — то пыль ей на голову с балки стряхнет, то вздохнуть в темноте начнет, чтоб напугать. Женщина и впрямь разволновалась — поняла, что неладно тут, поспешила исправиться и стала Домовенку молочко у порога ставить. Ему это понравилось. Он даже стал на нее походить — бровки выгнулись дугой, ротик маленький, как малиновая ягодка, обозначился. И думал: ну, останься ты, щедрая, со мной — все пылинки по углам приберу для тебя!

Она и осталась. Повесила как-то веревку с петлей на балкематице, влезла в нее и повисла, суча ногами. Долго так провисела — день, второй, третий. Когда Домовенку скучно сделалось, он стал подпрыгивать, дотягивался до ее босых ступней, раскачивал. Хоть какое-то развлечение.

Но другим это развлечением не показалось. Вошли как-то люди и такой шум подняли! Вынули удавленницу из петли, стали горевать по ней. А промеж себя опять заговорили: надо бы домишко этот несчастливый разрушить. Страшно было это слышать Домовенку. А куда денешься? Был бы он человеком, ушел бы прочь. Но понимал, что нежити смертным не бывать. А вдруг можно? Но как?

Домишко все же не тронули — уже хорошо. Зато стороной стали обходить. Но однажды заполз в него какой-то израненный

человек, да не просто израненный — обгоревший сплошь, паленым от него так несло, что Домовенок даже расчихался. А обожженный и день лежал на полу, и второй, только стонал глухо.

Потом разыскали его княжеские гридни и безжалостно добились мечами. Домовенок, с интересом наблюдая за этим, слушал, о чем гридни говорили над трупом. Оказывается, был он древлянином поганым. Древляне же эти, жители лесов дремучих, прежде убили князя киевского Игоря, а теперь сватов к его вдове, княгине Ольге, засылают. Первых сватов Ольга велела живыми в землю закопать, а как второе посольство прибыло, в бане их сожгла. Да только этот древлянин каким-то чудом сумел вырваться из рухнувшей баньки и аж сюда, на Щекавицу, добрался. Наверняка ему кто-то из местных помог, рассуждали гридни. И это плохо, потому как, храни нас Перун, такой помощник может отправиться в чащи древлянские, дабы упредить племя, что княгиня на них идет, чтобы жестоко отплатить за погибель мужа. Она даже ведьму Малфриду с собой позвала, чтобы та помогла ей чарами своими.

Вот тогда-то Домовенок впервые о Малфриде и услышал. Правда, его это не больно заинтересовало. А вот то, что гридни недолго думая закопали древлянина неподалеку от его избушки, Домовенка огорчило. Ибо стал тот выходить в безлунные ночи блеклым блазнем, как и всякий, кого погребли наспех, и пугать редких прохожих, отчего на отрог, где стояла избушка, теперь вообще никто не поднимался.

Совсем загрустил Домовенок. Но нет худа без добра. Когда пришла зима, начали в это безлюдное место захаживать лихие головники. Ножи точили у тускло горевшей лучины, веревки сучили да вели разговоры: мол, за Щекавицей в Дорогожичи ведет неохраняемая дорога и можно там засаду устроить.

Домовенок следил за ними, а когда они уходили — ждал. Головники иной раз возвращались довольные, прятали что-то в подпол, оттирались снегом от крови. А порой прибежали напуганные. Причем не блазня они опасались — тот порой льнул к окошку, — а тревожились, что стражи градские их выследят. Но обошлось. По весне один из них даже вроде как поселился в доме — на радость Домовенку. Хозяйствовать особо не хозяйствовал, больше награбленное стерег, а для отвода глаз горшки лепил. Прикатит

тачку глины из урочища Гончаров и сидит себе за гончарным кругом. На вопросы людей, почему дурного места не боится, отвечает, что он христианин, а таких нечисть не трогает. И крестится при этом. Домовенок даже знак его пытался повторить, но лапа почему-то не слушалась, дрожать начинала и холодеть.

Зато хорошо было узнавать от изредка навещавших гончара-разбойника сотоварищей, что в мире делается. Они все больше про княгиню Ольгу говорили, о ее мести древлянам, о том, как княгиня жгла города враждебного племени. И, опять же, Малфриду поминали. Интересно было Домовенку слушать и о ведьме, и о княжиче Святославе. Вон сколько имен у людей, думал он, сколько забот и деяний! Но потом как-то пришли темной ночью головники, выкопали награбленное и отправились невесть куда. И все, опять скучно стало.

Домовенок тосковал. Люди проходили мимо, голоса их он различал, надеялся, что кто-то прибьется, но не дождался. Даже блазень однажды исчез, когда зашедшие на отрог волхвы посыпали солью его могилу, чтобы окрестные жители не пугались бесплотного духа. Домовенок думал, что теперь-то, когда страх у смертных пройдет, кто-то обязательно у него под боком обоснуется. Однако народ все больше обживался на горе Щекавице, а отроги ее никого не привлекали. Ну а вокруг жизнь бурлила: то всадники проскачут по тропе на Щекавицу, то волы тащат волокуши с бревнами — строятся наверху люди. После того как княгиня Ольга усмирила древлян и занялась делами государственными, в Киеве людно стало, богато, пришлые всякие наезжали, торговали, обживались, но покосившаяся избушка все равно никого не привлекала. Лишь однажды собрались в ней ведьмы и колдуны, направлявшиеся на свой шабаш. Веселые были, добрые. Домовенок даже осмелился им показаться. Ведь те, кто чарами владеет, пусть и страшны для домового, но не враги же. И Домовенок стал просить их совершить колдовство и человеком его сделать, чтобы ушел он куда-нибудь из одинокого своего жилья.

Но чародеи его на смех подняли. Лишь один ведьмак все же удостоил ответом:

— Чтобы сущность нежити поменять, нужно великим волшебством владеть, — сказал он, перебирая пряди длинной бороды. —

Такой силой одна Малфрида, чародейка княгини Ольги, наделена, больше никто.

— А где же эта Малфрида? — полюбопытствовал Домовенок. Ведьмак пожал плечами:

— Кто ж ее знает? С тех пор как княгиня от услуг чародеев и волхвов отказалась, Малфриду в Киеве давно не видели.

Но Домовенок о могучей чародейке Малфриде уже не мог забыть. Спрашивал о ней и у присыпуш, что порой раскачивались на остатках покосившегося плетня, и у злыдней недобрых, которые ползали по бревнам обветшавшего сруба и грызли их мелкими острыми зубами.

Злыдни теперь всегда тут вертелись. Им ведь нравится все, что разрушается, что осталось без ухода. И хоть Домовенок едва их терпел, но все же поведал, зачем ему Малфрида понадобилась: хочет просить изменить его, человеком смертным сделать. Услышав это, злыдни переполошились.

— Дурной дух, ох и дурной, — стали они пятиться от Домовенка, скалясь темными дырами ртов. — Человеком хочешь стать... Душу тревожную получить... Да этого ни одна нечисть вынести не в силах!

Почему не в силах? Домовенок не понимал. Зато ведал, что недолго ему еще жить среди злыдней и нищеты. Рухнет однажды его избенка — и не станет домового. Будто и не было никогда.

Между тем и другие духи в Киеве заволновались. Поговаривали, что после того, как княгиня Ольга побывала в далеком Царьграде, стала она разрешать христианам свои церкви в Киеве возводить, а от этого любая нежить себя скверно чувствует, а кое-где и на нет сходит. Новая вера в единого Бога увлекает людей, они забывают капища старых богов, а то и молиться начинают, разгоняя темные силы. От этого даже домашние духи вроде овишников, банников и домовых сторонятся уверовавших, уже не вмешиваются в их жизнь; водяные не высовываются из болот, русалки в омуты никого не увлекают. Ох и тревожные же это были речи!

Нелюдям сильные чувства неведомы — нет у них сердца, нет души. Поэтому, когда разнеслась весть, что князь Святослав, сын Ольги-христианки, стал старую веру возвеличивать, дав тем самым надежду нежити, Домовенок не очень-то обрадовался. Пусть

люди твердят, что князь Святослав стал великим воителем, в походах все время проводит и с великой прибылью его люди возвращаются. Что до этого Домовенку, если ни одного разбогатевшего воя его покосившийся домишко не интересует? А был бы он человеком, пошел бы с князем в дальние пределы, тоже добыл бы себе богатство и сам бы потом о покосившемся домишке на отроге Щекавицы позаботился, раз больше некому.

Но вскоре пришла в Киев такая беда, что даже маленький Домовенок загорелся любопытством. Ибо на град стольный напали лихие люди из степей — печенеги.

Когда известие об этом дошло до Домовенка, он, вспомнив прежнее, вскарабкался на облупившегося резного конька на крыше и стал смотреть, какая суета пошла вокруг — и на Подоле, и на путях от Щекавицы к Киевской Горе. Люди бежали куда-то, кричали, перегоняли скот, детей тащили, несли тюки с поклажей. Да и пришлых среди них было немало — со всей округи стремились люди схорониться за городнями и частоколами на Киевской Горе, передавая из уст в уста весть, что печенеги силой неисчислимой идут на Киев, все по пути жгут и разоряют. А князя Святослава с дружиной как раз не было, он ушел с воинством в дальний поход на болгар, и некому теперь защитить людей от набега. Домовенок все это слышал, но плохо понимал, что происходит. Таращился на спешащих мимо беженцев из-под свисавших на глаза-бусинки косм, думал о своем — вдруг кто-то к нему заглянет да укроется от страшных печенегов. А там и останется...

Куда там! За пару дней опустело все вокруг. А те, кто не успел... Даже Домовенку стало жутко, когда увидел, какая участь их ожидала. Налетели темные печенеги, как смерч, порубили тех стариков, кто не захотел дома свои оставить, а если женщину или калику перехожего хватали, издевались страшно. И сколько шума, гомона было вокруг! Орда пришла за передовыми конными воинами, чужаки бичами щелкали, гортанно выкрикивали, сгоняя скот, ржали лошади.

А потом Домовенок и вовсе пришел в ужас оттого, что степняки учинили на Подоле. Пожар! Всюду горело — дома и дворы, концы ремесленные и слободки окрестные, даже те из стругов, что остались у причалов, тоже были сожжены, как и сами причалы.

Но если лодки и причалы Домовенку были ни к чему, то горящие избы сильно напугали его. Когда дом сгорает — все духи домов и дворищ гибнут безвозвратно! И, глядя на дымы и пожарища на Подоле, Домовенок запищал тихонько и горестно...

На опустевшей Щекавице тоже хозяйничали жестокосердные печенеги. Треск от палимых изб стоял страшный, вокруг смердело дымом и гарью, ветром несло пепел, и Домовенок спрятался, чтобы ужасов этих не видеть.

А как-то раз один из степняков вошел в его избушку на отроге. Домовенок сперва обрадовался, видя, как незнакомец в мохнатой шапке, с тонкими вислыми усами, его жилище осматривает, будто поселиться надумал. Но потом понял все, заметив в руке печенега факел... Ой-ой-ой — сейчас и его избушку подпалят! Однако пришлый, видно, не счит нужным сжигать эту покосившуюся лачугу — ушел, не оглянувшись.

Печенеги надолго задержались под Киевом. Появились их обозы, кибитки, шатры, в которых следовали за войском жены и дети степняков. На Гору Киевскую печенеги рвались люто, но потом откатились и решили взять град измором. Каждое утро объезжали конники склоны, где за крепостными стенами горожане укрывались, стреляли на скаку в защитников, едва те на заборолках показывались. И метко стреляли! Впрочем, защитники Киева тоже не зря стрелы тратили. Склоны вокруг укреплений были усеяны телами мертвых печенегов, как битыми мухами. Поэтому степняки и решили поодаль держаться, ожидая, пока укрывшиеся от них русы не начнут голодать и не сдадутся сами.

Домовенку обо всем происходящем либо сороки, разносчицы вестей, сообщали, либо злыдни бродячие. Много злыдней теперь было в округе, веселили их беды, вот и любили позлорадствовать, глядя на то, сколько людей от набега этого разорилось, без крова осталось, а теперь еще и голодали на Горе.

Но однажды темной ночью Домовенок почувствовал, что некто посетил его избушку. Домовой дух, он ведь все, что в доме происходит, знает, в каком бы углу или подполе ни отсиживался. Вот и учуял он, что на кровлю опустился кто-то необычный и могущественный, сильной магией наделенный. Домовенку страшно стало, но и любопытно. Забрался он по расплзающимся, поросшим

мхом доскам тесовой крыши на самый верх... и замер. Ибо на охлупне, где потрескавшийся конек выступал над крылечком, сидела огромная птица. В темную безлунную ночь она могла кому-то и орлом ширококрылым показаться, залетевшим с отдаленных круч, но только не домовому духу, который сразу узнал ночную гостью. Сирин это была, чудесная птица с телом орлицы, но ликом и головой прекрасной девы. Знает Сирин все на свете, ибо летает всюду, до самого Ирия небесного подняться может. И вести она разносит. Да только вести те обычно печальные, недобрые, потому что, в отличие от схожей с ней светлой птицы Гамаюн, у недоброй Сирин только печаль и беда могут вызвать отклик. Все знает она о горе, однако песни ее, пусть и прекрасные, исполнены такой печали, что даже камни могут расплакаться. И уж если прилетела она сюда, к Киеву, значит, пожелала наглядеться на беды человеческие — манят они ее, зачаровывают.

Домовенок, притаившись, смотрел на птицу Сирин неотрывно. Она же, крылья черные сложив, головой вращала, как сокол, и видела все вокруг, как только совы умеют. И когда оглядывалась, Домовенок, как всякая видящая во мраке нелюдь, отчетливо различал белое девичье лицо с печальными темными глазами, волосы черные, переходящие в столь же черное оперение на плечах и крыльях.

В какой-то миг Сирин спросила негромким певучим голосом:

— Чего тебе надобно? Возвращайся в свою паутину, домовой!

— Не вернусь! — неожиданно для себя огрызнулся он. — Насиделся уже. Пусто в доме, не мило мне тут. Уйти хочу.

Сирин даже лицо белое склонила, брови ее изумленно выгнулись.

— Как это уйти? Ты не можешь. Ты не человек, чтобы ходить куда вздумается.

«Да что она понимает, вещая? — рассердился Домовенок. — Сама небось летает повсюду». И, не выдержав, признался:

— Плохо мне, что я не человек. Был бы человеком — ушел бы.

Заклекотало в горле Сирин, как у орла, а потом и легкий девичий смех послышался.

— Человеком захотел стать, нелюдь? О таком я еще не слыживала. Забавно мне это.

Она снова засмеялась, потом засмотрелась на что-то внизу, словно забыв про домового духа. А он уже не мог молчать:

— Ты, птица Сирина, мудрая и могущественная. Преврати меня в человека!

— Не могу, — зевнув, отозвалась Сирин. — Такое под силу только могущественным чародеям.

— Знаю, знаю, — махнул лапкой Домовенок. — Мне даже имя называли одной такой чародейки. Малфридой кличут. Княгине Ольге она служит.

— Ольге? — всплеснула крыльями Сирин, словно улететь хотела, перья черные растопырились. — Даже называть не смей при мне эту отступницу киевскую!

Она прошлась по бревну охлупня, переваливаясь и цепляясь за него когтистыми лапами. Казалось, еще миг — и взлетит Сирин, исчезнет. Но потом она опять поджала лапы и присела, опустив голову между высоких крыльев. И снова ее большое белое лицо нависло над распластавшимся на тесовой кровле Домовенком.

— Знай, предала нас Ольга! В нашем краю живет, но чужому Богу поклоняется, древний покон не уважает. А ныне, гляди, в беде оказалась, но помощь от Малфриды принять не пожелала. Ведьма-то ее сразу явилась, узнав про набег половецкий, обещала помочь... Не приняла ее княгиня. Сказала, что только ее Бог сможет помочь граду, что все в Его воле. Но я-то знаю, что княгиня больше надеется на тех гонцов, что отправила она к сыну своему Святославу еще до того, как печенеги град обложили. Вот и молится, чтобы успели они воителя-князя призвать на помощь. Ха! — скривила губы в усмешке Сирин, голову откинула, лапами орлиными заскребла по ребру охлупня. — Забавно все это. Ибо знаю, что не успеет сюда Святослав до того, как печенеги горящими стрелами укрепления града зажгут. А они готовятся, мне это ведомо... И как запылает все вокруг, ворвутся степняки на Гору, порушат все да пограбят. И не смогут устоять оголодавшие киевляне. Но это хорошо. Будет и мне о чем песнь сложить.

Домовенку не было дела до того, что будет с защитниками Киева. А вот то, что Малфрида могущественная была где-то здесь, его взволновало. И стал он упрашивать Сирин помочь ему встретиться с чародейкой. Ведь говорили ему, что только Малфрида владеет умением превращать нелюдь в человека.

Сирин подняла крылья и опять опустила — словно девица руками всплеснула.

— Сам не знаешь, чего хочешь! Станешь человеком — долго не проживешь. Ибо нелюди трудно с человеческой душой ужиться. Тяжело это для нее, волнений слишком много, сердце не выдержит. Нужно ли тебе это?

— Я и без того долго не проживу, пропаду, когда избушка моя рухнет. Даже домовым настоящим побыть не случилось... А человеком мне давно пожить хочется. Помогите, вещая! — упрашивал Домовенок.

Чудо-птица уставилась на него темными немигающими глазами. А потом сказала:

— Печальной будет твоя история, но это-то мне и любо.

И, сказав это, взмахнула широкими крыльями и скрылась в ночи. Домовенок не знал, что и думать: послушает ли его Сирин? Исполнит ли просьбу?

Исполнила-таки. И солнце трижды не садилось, как заметил он среди глухой ночи, что по заросшей тропинке на отрог к его избушке поднимается женщина. Странная женщина — вроде и видит он ее, а вроде и нет. А уж печенег, через чей стан прошла она по пепелищу Подола, точно ее не заметили. Сторожевые вои на нее не глянули, степнячка, укачивавшая хворое дитя шатров, тоже не заметила, одни псы почуяли, лаем зашлись. Но кто этих пустобрехов послушает? Женщина же дошла до покосившегося плетня у избушки и уселась на склоне, обхватив колени. Теперь Домовенок смог рассмотреть ее широкую темную накидку и длинный подол платья того же цвета. А еще — волосы, растрепавшиеся и пышные, как грива степной кобылицы. Когда женщина оглянулась, он увидел, что глаза ее горят желтым мерцающим отблеском, а узкий зрачок остро поглядывает на него.

Ведьма! Настоящая ведьма Малфрида, и она сразу его увидела!

Но далековато она все же от его дома уселась. До порушенного плетня добраться Домовенку непросто. А она сидит и смотрит, слова не говорит. А ну как встанет и уйдет?

И Домовенок решился — оттолкнулся от крыльца и побежал к ней через заросший крапивой двор. Размахивал лапками, чтобы

быстрее двигаться, расталкивал маленьким телом стебли крапивы. И все мельче становился, как всякий домашний дух, что от дома отдалеется. Сейчас вот возьмет и исчезнет совсем...

Когда он уже не больше паучка стал, Малфрида его подхватила на ладонь и обратно к дому отнесла. У родного покосившегося крылечка Домовенок подрост немного, уже всю ладонь ведьмину занимал. Но легче ему стало, только когда она опустила его на треснувшую ступеньку.

— Гляди-ка, не побоялся так далеко отойти от своей лачужки, — чуть склонив набок голову, произнесла Малфрида. И, всматриваясь в него своими мерцающими желтыми глазами, добавила: — Значит, и впрямь не солгала Сирин, что нелюдь на все готов, чтоб человеком стать. Но ты хоть понимаешь, чем это для тебя может обернуться?

А он одно твердил — дескать, ничего так не желает, как человеком стать...

Слушала ли его Малфрида? Домовенок просил, хныкал, край ее накидки теребил. А она смотрела куда-то вдаль — туда, где во мраке тусклым свечением угадывался широкий Днепр, за которым темнели дальние земли Левобережья.

— Помочь я тебе смогу, — сказала наконец ведьма. — Но знай: долго тебе человеком не быть. Ибо с обликом людским получишь ты и сердце человеческое, и душу, полную тревог и волнений. Рожденному же духом бесплотным страсти человеческие вынести трудно... почти невозможно. Вот и надорвется сердечко. И не будет у тебя ничего впереди, и уйдешь ты в землю без следа.

Домовенок сжался весь, нахохлился, совсем на тень стал похож. Но потом встряхнулся.

— Пусть! Мне бы хоть немного пожить и узнать, как это — жить. Существовать мне давно разонравилось. Хочу узнать, как это — желать и стремиться!

— Ты и так уже переполнен желаниями, маленький дух покосившейся избушки, — улыбнулась Малфрида. — Вон как далеко от порожка родного отошел ради встречи со мной. Ну что ж...

Она умолкла, снова долго смотрела на противоположный берег Днепра. А потом сказала, что совершит над домовым чародейство доселе невиданное, однако с условием: он выполнит ее поручение.

— Ты пройдешь через стан печенегов на Подоле, — властно произнесла Малфрида. — В человеческом облике они тебя сразу заметят, но не тронут, если будешь делать все, как я велю. А потом подойдешь к реке и переплывешь на тот берег.

От страха Домовенок даже затрясся, но продолжал молча слушать. А говорила Малфрида странное: даст она ему умение хорошо плавать, и он сможет побороть быструю стремнину Днепра. Главное только, чтобы печенеги его не сгубили. А как выберется он из реки, пусть разыщет среди собравшегося за Днепром ополчения приятеля Малфриды, черниговского воеводу Претича. И скажет ему, что сама Малфрида послала его с известием о том, что княгиня Ольга, видя голод и слабость своих людей, готова сдать град печенегам. Если же Ольга решится на такое, князь Святослав никогда не простит Претичу, что так долго мешкал и не помог его матери и его стольному граду. Вот это и надо передать.

Ох, как же все это сложно! Однако мысль о том, что он станет человеком, да еще и посланцем, да еще и с важными вестями... Кто же такое не захочет испытать? Даже пожившему волнительно и жутко, а уж маленькому существу, которое только за другими подглядывало, и подавно. И Домовенок от радости запрыгал по крылечку перед покосившейся разбухшей дверью, лопоча слова благодарности.

Тут Малфрида заторопилась. Надо было успеть совершить закливание, пока петухи не пропели. А как? Домовенок видел лишь, что Малфрида палец свой надрезала и заставила его каплю крови проглотить. Ох и противно же это было! Когда-то он молочко сладкое глотал, а тут... соленое, теплое... брр. Зато потом он как будто захмелел, голова кругом пошла, звездное небо над ним завертелось. И позабыл он обо всем, только боль была странная, непривычная. Бестелесный дух не знал, как это мучительно, когда кости распирают тело, когда мясо нарастает, горячее и тяжелое. Наверное, стонал, может, даже вскрикивал, да только не себя слышал, а монотонно бубнящий голос чародейки. Различал сквозь мутную пелену мерцание ее желтых глаз, видел длинные сверкающие клыки, странно потемневшее лицо...

Но сильнее всего была все-таки боль в новом теле. Потом она прошла. Домовенок понял, что лежит, перекинувшись через

порожек, и так неудобно ему было, так жестко спине. Да, теперь у него была спина. И руки были. А еще волосы, падавшие на глаза. Они мешали, как никогда прежде не мешали его собственные свисающие космы. Но оказалось, что их можно убрать руками. А еще он ощущал непривычное тепло в груди и слышал, как взволнованно стучит сердце...

— Я человек уже? — спросил он. И охнул, сообразив, что это именно ему принадлежит ломающийся мальчишеский голос.

Малфрида улыбнулась, провела ладонью по его щеке, и Домовенок вздрогнул — никогда прежде ему не приходилось ощущать чьего-либо прикосновения. Оказывается, это приятно.

— Ты уже отрок юный, мальчишка-раб с виду, — произнесла она. — И даже ладненький. Но только воли, какая у людей бывает, у тебя нет. И делать ты будешь все, как я тебе повелю.

Это Домовенок и сам понял. Он ничего не знал, он как будто только что родился, и кому же ему было верить, если не той, что создала его?

Малфрида снова повторила свой наказ, со всеми подробностями. Сама она была всклокоченная после заклинаний, строгая, но клыки ее больше не пугали Домовенка, он во все уши слушал, что она приказывает. И при этом то потягивался, то подпрыгивал, пробуя новое тело. Тяжело быть в теле, каждую клеточку ощущаешь, но и радуешься силе неожиданной. В какой-то миг Малфрида ущипнула его за предплечье, чтоб угомонился. Больно ущипнула, Домовенок даже ойкнул, присмирел и стал еще внимательнее.

Да, он сделает все как приказано. А страшно ли? Он не знал. В нем жило лихое мальчишеское любопытство, подкрепленное неожиданно острым желанием испытать себя. К тому же его вела воля ведьмы, он был ей во всем послушен. Вот и взял у нее из рук уздечку ременную и пошел в стан печенегов.

Вокруг было столько запахов, столько теней! Река Днепр уже не казалась далекой, как небо, и он постепенно приближался к ней, пока ее не стали заслонять стволы тополей, а потом множество кибиток и шатров печенежских. Глянув в сторону, Домовенок увидел Боричев взвоз, по которому, как он знал, на Гору Киевскую обычно поднимались телеги и волокуши с поклажей. Раньше он только слышал о нем, а со своего места в избушке не видел.

Но озираться и рассматривать было некогда. Ибо вскоре он узнал, что такое настоящий страх, когда его схватил за плечо один из степняков и стал грубо трясти. Домовенок сжался и только повторял те слова, каким Малфрида его обучила:

— Атэ нирдэ?

Он знал, что спрашивает на языке степняков, где его конь. Хозяйский то есть конь, потому что сам он был в лохмотьях и выдавал себя за раба, прислуживающего печенегам. Они и приняли его за раба, опять трясли и дергали, а он хныкал и все повторял, что, мол, потерял хозяйскую лошадь.

Его отпустили, вернее, прогнали пинком. Но потом еще дважды останавливали, и опять повторялось то же. Последний раз его так пнули, что он кубарем полетел на груды золы, слыша недобрый смех за собой. Ох и трудно же быть человеком! Ну да ведь его предупреждали...

И все же было интересно. Особенно когда к воде пробрался. Вот она какая, вода... Мокрая, как дождь, но раздающаяся, когда в нееходишь. Домовенок скинул рубаху, шагнул на глубину. У него был наказ ведьмы, и он лег на воду и поплыл. Малфрида сказала, что он будет уметь плавать; его тело и впрямь знало, что и как, хотя вскоре он понял, что плыть не так-то легко. А тут еще позади шум послышался. Домовенок на миг замер, оглянулся и увидел, что печенеги заметались у воды, стали стрелы пускать. Мальчишка-оборотень нырнул, ушел от стрел под воду и долго плыл во влажной темноте, пока не понял, что вот-вот задохнется. И заработал ногами, поднимаясь на поверхность. Втянул в себя воздух — сладкий! И опять были мысли путанные... ох, трудно... ох, тяжело... ох, страшно... И как же здорово!

Его носило течением, руки устали. Но оказалось, что если лечь на спину, глядеть на звезды и работать ногами, то можно отдышаться. Где-то вдали вопили печенеги, плескалась над ухом волна, разрывалась грудь от бешеного стука сердца. Вот оно какое — сердце!

Река казалась нескончаемой. Домовенок так устал, что просто греб, ни о чем не думая. И даже не заметил, как от берега к нему подплыла длинная черная лодка-долбленка, чьи-то руки протянулись, схватили его за плечи и перетащили через борт.

Уже на берегу его обступили, загомонили, выпрашивая, кто он и откуда. Он все еще задыхался. Слова вымолвить не мог.

— Да дайте отдышаться парнишке, — властно произнес кто-то.

Оставили в покое, даже набросили на голые худенькие плечи овчину, чтобы согрелся. Летняя ночь хоть и теплая, но после того, как он столько пробыл в воде, зуб на зуб у Домовенка не попадал, он трясся весь. А потом ему дали испить медовухи. Вкусная! Слаще молочка!

— Я из Киева, — сказал он наконец, стараясь ничего не перепутать. — Меня послали к воеводе Претичу.

— Ишь ты, сразу к Претичу! А сам-то чей будешь?

— Из Киева я пробрался. Надо мне воеводу Претича отыскать. С ним говорить велено.

И подумал — все ли верно сказал?

Похоже, что так. Ибо все вокруг притихли, а к Домовенку подошел крепкий, облаченный в кольчугу витязь. Чуть тронутые сединой кудри из-под высокого островерхого шлема выбиваются, пышная борода почти скрывает золоченую гривну — знак высокого положения.

— Говори, отрок. Я и есть Претич.

Голос Малфриды словно шептал в голове Домовенка, и он стал повторять за ним: дескать, велено передать, что если уже назавтра они не окажут помощь Киеву, то люди сдадутся печенегам.

— Как это сдадутся? — загомонили вокруг. — Совсем, что ли, ополоумели — под печенега идти!

— Да голодно в городе. Воды мало, пищи совсем не осталось.

Претич потер лоб, сдвинув на затылок шлем.

— Я ведь знаю, что ведьма Малфрида к княгине отправилась. Помочь хотела. Неужто не помогла?

— Княгиня от ее помощи отказалась, — важно отозвался Домовенок. Не забыл еще того, что от Сирина услышал. Да и Малфрида будто нашептывала то же.

— Ну, это уж глупость, — развел руками Претич. — Но до чего ж упряма княгиня!

А Домовенок все повторял:

— Ждут вас, на помощь надеются. Иначе сдадутся на милость печенегов.

— Да какая ж милость от копченых! — шумели вокруг. — Лучше уж с голоду...

— Это нам тут сподручно судить-рядить, что лучше, а что нет, — рыкнул на сотоварищей Претич. — Но одно знаю: если не поможем княгине, погубит нас Святослав. Не простит.

Настала тишина. Домовенок сидел на песке и смотрел на воев, удивляясь, отчего все такие понурые. Ведь руки-ноги имеют, речи говорят, строят планы, могут пойти на помощь Киеву, могут не пойти. Люди, одним словом.

Ополченцы Претича все еще спорили. Говорили, что вольно же Ольге приказывать, она-то хоть правительница и мудрая, но не воевода, потому и не понимает, что их тут всего пять сотен и с ордой им не совладать. Да и кто они сами, ополченцы, — еще вчера пахали, ковали, сукно валяли и лишь по нужде взялись за косы да рогатины. Как отогнать от града степняков, которые всю жизнь провели в набегах? Враз сметут их. А лучших воинов князь с собой в Болгарию увел. За чужими землями Святослав пошел, а тут, на Руси, вон что творится. Но если придет и узнает, что они за Днепром отсиживались, и впрямь не помилует.

— А что, совсем худо во граде? — вновь обратился к Домовенку Претич.

Домовенок не знал. Потому и повторил: не помогут они Киеву — сдаст его княгиня. Причем сказал это странно тихим голосом, словно громко говорить уже сил не хватало.

— Ладно, ступай, отрок, — положив теплую ладонь на его плечо, сказал воевода. — Ты и так великое дело сделал — из Киева смог сквозь печенежский стан прокрасться да реку вон какую переплыть. На это небось немало силенок надобно. Так что спасибо тебе от всех нас и низкий поклон. А теперь... Эй, проводите хлопца, пусть отдохнет после трудов.

Домовенок поднял голову. Никто и никогда не выказывал такой заботы о нем. И ему вдруг так хорошо сделалось! Хотел сказать: мол, и я с вами. Но сил совсем не осталось. И, когда его стали увлекать в сторону, пошел послушно, спотыкаясь и проваливаясь в сон. А сердце стучало тихо-тихо... Все слабее и слабее...

Утром, ближе к рассвету, когда густой туман еще клубился над рекой, от левого бережья к Киеву двинулись лодки, полные обла-

ченных кто во что ополченцев. Претич стоял на первой из долбленок, оглядывался на своих. Лодок-то у набранных им в последние дни людей было достаточно, насобирали в окрестных рыбацких селениях. И в каждой сидели его люди, гомонили, в рога дудели, оружием колотили по щитам. Шумели сильно.

Печенеги на берегу всполошились, стали собираться, гадая, что творится. Не понравилось им это. А тут еще на заборолах Киева загудели трубы, забили тулумбасы, послышались крики радостные: «Святослав! Святослав наш идет!»

При одном известии, что страшный воитель Святослав, лихой степной пардус, на подходе к Киеву, в стане печенегов началась паника. Имели они суеверный страх перед русским князем, который никогда не проигрывал и никого не щадил... Так что и часа не прошло, как печенеги с шумом, криками и скрипом колес откатились от Киева, ушли за холмы... А когда рассвело окончательно, стали понемногу соображать. И послали нескольких всадников разведать, что же происходит.

Но этого часа оказалось достаточно, чтобы княгиня Ольга с сыновьями Святослава уже вышла из города и ее усадили в одну из долбленок. Народ киевский тоже толпился у воды, спешили с ведрами и коромыслами, ибо от Претича уже узнали, что нет поблизости Святослава с воинством, что ошиблись они... Так ведь и печенеги ошиблись.

Когда показалась группа печенежских всадников, люди побежали обратно в город. Только Претич еще оставался на берегу с несколькими воинами ополчения, прикрывая отход горожан. Они-то и заградили путь печенегам.

Но те не торопились нападать. Один молоденький хан выехал вперед, остановил коня перед Претичем.

— Кто вы такие и откуда? — спросил на ломаном языке русов.

— Мы с той стороны Днепра, — ответил воевода, не опуская направленного на печенега копья. Казалось, еще миг — и метнет.

Но молодой хан не испугался. Рассматривал Претича, оценивал добротность его кольчуги, крепкую статью, видел и золотую гривну с подвесками на груди.

— А ты не сам князь ли? — спросил он.

— Я его воевода. Пришел с княжескими передовыми отрядами, — отозвался Претич. — А князь уже скоро тут будет с великой силою.

Хан задумался, потом отъехал к своим спутникам, к шаманам, увешанным амулетами. Те что-то негромко лопотали, лица их были сумрачными, голоса тревожными.

Претич стоял не двигаясь. Он знал, что лодка с Ольгой и княжичами уже достаточно далеко, а самому ему если что и угрожает, то дешево он жизнь не отдаст. И чести его урона не будет, если падет, защищая правительницу Руси.

Но хан, возвратившись, лишь сказал:

— Будь другом мне, храбрый батыр. И князю своему передай, что мы не хотим с ним враждовать.

— Добро, буду, — опустив копье, кивнул Претич.

После этого печенег спешился и передал воеводе узду своего коня, а также, в знак мирных намерений, передал свой лук и стрелы. Ну и Претич не оплошал: копье-то он при себе оставил, но меч свой, щит и кольчугу передал хану. Это была мирная сделка, так что можно было на что-то надеяться... если, конечно, печенеги не опомнятся и не вернутся, сообразив, что их обманули.

Степняки и впрямь довольно скоро поняли, что поспешили отступить. Так и не появилась перед Киевом княжеская рать... «Ну а вдруг все же появится?» — рассуждали они. Потому и не уходили далеко, стали за городом, там, где речка Лыбидь протекает. Киевляне теперь могли за водой к Днепру ходить, а то и рыбачить понемногу. И никто не знал, как дальше все повернется.

А потом и впрямь появился князь Святослав. Примчался, как тот пардус, с которым его часто сравнивали. И был он так же, как и этот зверь, лют и свиреп. По его наказу конница стремительно налетела на стан печенегов, те бросились наутек — но кто ж уйдет от пардуса? Потому и polegло их немало. И долго потом белели печенежские кости в травах вокруг Киева, а воды Днепра поглощали тела степняков на корм водяному. Палатки же их, кони и скот стали возмещением для тех, чьи дома сгорели на Подоле и в окрестных урочищах.

Святослав въехал в Киев под ликующие крики. Однако бывало и так, что люди говорили ему в лицо:

— Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а своею пренебрегаешь. Едва не взяли нас печенеги, и мать твою, и детей твоих. А был бы ты тут, а не в пределах дальних, не осмелились бы копченые дойти до самого Киева, матери городов русских!

Святослав надменно смотрел и молчал. Не велика честь князю на попреки кожевников и гончаров отвечать!

А вот кто был встречен в Киеве как настоящий герой, так это Претич. Даже к князю не было у киевлян такого расположения, как к этому воеводе черниговскому.

Как-то на большом пиру в честь отражения врага Ольга и Святослав стали расспрашивать Претича, как вышло, что он так вовремя подошел с подмогой и отпугнул супостатов от града.

— Да отрок один из Киева к нам добрался и сообщил, в какой вы беде.

— Надо же, сумел-таки кто-то пробиться! — восхитилась Ольга. — Уж мы столько лазутчиков посылали, да только перехватывали их степняки, а потом, прости Господи, на кол сажали у самого Боричева взвоза, чтоб видели мы, в каких муках они погибают...

Святослав спросил воеводу:

— А что же ты не привел этого храбреца к нам на пир, Претич? Полную шапку серебра из княжеской казны отсыпал бы ему собственной рукой.

Претич почесал бороду, плечами пожал:

— Да мне тут и самому не все ясно. Паренек-то и впрямь ловкий был, а потом... Заснул он после того, как я его отдыхать отправил, и больше не проснулся. Позже хоронившие его волхвы сказывали, что во сне парнишечка умер. Сердечко, дескать, оставилось. И вышло, что даже имени его я не узнал. Может, в Киеве кто о нем скажет? Может, знает кто?

— Непременно расспрошу, — пообещала княгиня.

И сдержала слово. Да только никто не смог сказать, кем был посланец и как его звали.

Но память о том, что он совершил, осталась навсегда.

Наталья Костина



ЛОТЕРЕЯ

— М-м-м... — сиплю я, просыпаясь оттого, что моей щеки коснулось что-то, пахнущее Дженни. Духами, ванилью выпечки и еще чем-то неуловимым — наверное, этот аромат присущ только ей. Иногда моя жена кладет на подушку букетик ландышей или свежий рогалик из пекарни напротив, благоухающий корицей, — все это действует на меня куда лучше дребезжащего звонка будильника. Однажды мне досталась даже ярмарочная свистулька с высовывающимся большим красным языком и пожеланиями непременно показать этот язык моему боссу. Нечего и говорить, что настроение после подобного пробуждения потом весь день на высоте!

Я окончательно открываю глаза и улыбаюсь. Сегодняшний сюрприз — конверт такого солнечного цвета, что не заметить его просто невозможно. В таких конвертах я обычно нахожу смешные рожицы, смайлики, распечатанные на принтере анекдоты или просто целый ряд крупно выписанных восклицательных знаков. В дни, когда я получаю все это, мне кажется, что жизнь особенно полна.

Итак, конверт. Я не спешу его замечать, желая продлить момент утреннего блаженства... еще и потому, что таких сюрпризов я не получал уже давненько. К тому же сегодня выходной и канун Нового года, так что можно никуда не торопиться. Краем глаза я замечаю, что Дженни здесь: стоит в дверях и явно ждет, чтобы я нашел ее послание. Надеюсь, там не коробочка с жи-

вой лягушкой, как в прошлый раз: едва я открыл ее, лягушка прыгнула так, что попала прямо мне в лицо! Потом мы с женой долго и со смехом ловили ее, чтобы выпустить на лужайку. Впрочем, сейчас зима — не слишком подходящее время для лягушек...

Внезапно я замечаю, что Дженни, остановившаяся в дверях нашей спальни вполоборота, почему-то не смотрит мне в глаза. Ее собственные глаза при этом подозрительно припухшие и красные. Как будто она долго резала лук. Или плакала. Плакала? Почему плакала? Кажется, я ничем ее не обидел... Утреннюю дремоту как рукой снимает — я рывком сажусь на постели. И замечаю, что половина Дженни не смята. Значит, она не ложилась? И... и почему на ней надето пальто?

— Можешь не вскрывать конверт и не читать письмо... наверное, будет лучше, если я скажу тебе сама и сразу. Я... я уйду от тебя, Джордж.

— Что?.. — тупо переспрашиваю я. Похоже, меня заклинит, и это «что» я произношу далеко не в первый раз.

— Что?.. Что?.. Что все это значит?.. — растерянно бормочу я, хотя все более чем очевидно и в разъяснениях не нуждается. Кроме красных, заплаканных, ускользающих от меня глаз Дженни я отчетливо вижу все остальное: и собранный чемодан у ее ног, и застегнутое на все пуговицы пальто, и ее судорожно сжатые руки...

Однако кроме этого совершенно идиотского «что» я не могу выговорить буквально ничего. Я растерян и тяжело дышу — не потому ли, что у меня нет опыта в подобных вещах? Я... мы с женой прожили тихо, мирно и без душераздирающих скандалов двадцать два... нет, уже двадцать три года, и никогда раньше... Да, черт возьми, никогда раньше! Никогда! Вот почему я так глупо тарашусь и никак не могу взять в толк, что Дженни действительно бросает меня!

Я вскакиваю с кровати — не встаю размеренно и неторопливо, как все последние совместные годы, а именно вскакиваю, будто меня укусила в задницу оса... тут же наступаю на свалившееся на пол одеяло, запутываюсь в нем и валюсь обратно, клоунски задрав ноги и распахнув рот. Я знаю, что выглядит все это донельзя смешно. В другое время Дженни непременно бы посмеялась — нет, мы бы вдвоем посмеялись. Мы катались бы по полу от хохота!

В любой другой день. Но только не сегодня. Сегодня! В последний день года, когда я собирался спокойно позавтракать, неспешно листая утреннюю газету, а потом, взяв жену под руку, отправиться с ней в город — еще раз поглазеть на украшенные остролистом и омелой праздничные зимние базары, потолкаться в улыбающейся, принаряженной толпе... Купить очередной стеклянный шар с маленьким домиком, зарядкой на веточке, снеговиком или целым миниатюрным пейзажем внутри и со снежной метелью, поднимающейся в глицериновом небе над всем этим всякий раз, стоит только встряхнуть сувенир. У Дженни целая коллекция подобных штук, и она радуется как ребенок, стоит нам найти что-то оригинальное! И я бы обязательно нашел шар, какого у нее нет, и купил бы его тайком, когда она отвернется, чтобы потом... Потом... О господи!..

Я рычу от бессилия и унижения, потому что не будет никакого «потом»: ни горячего чая, щедро приправленного ромом, — мы пьем его прямо на улице, грея о тяжелые кружки руки; ни печенья с глупыми, но такими трогательными предсказаниями на будущий год, над которыми мы, подталкивая друг друга локтями, хихикаем, как школьники... Не будет ни официанток в дурацких красных шапочках Санты с оторочкой из блестящей мишуры; часов на башне ратуши, тяжелые стрелки которых мне захочется подтолкнуть вперед, чтобы скорее наступил тот момент, когда мы с Дженни чокнемся бокалами, а потом ее теплые губы приблизятся к моим, шепча: «С наступившим тебя, Джо...» Я достану припрятанный шар — что поделаешь, я способен только на такие предсказуемые сюрпризы, — но Дженни все равно радостно вскрикнет и просияет... Всего этого уже не будет! Не будет *никогда!*

Мне становится больно, больно, больно!.. Наверное, Дженни читает все по моему лицу — она всегда видит меня насквозь... Она отворачивается, и этого я уже не в силах вынести. Я отбрасываю проклятые тряпки и ору:

— Ты что, с ума сошла?!

— Не кричи, — тихо говорит она. — Соседи услышат. Да, я ухожу от тебя, Джордж.

— Да пошли они к такой-то матери, твои соседи! — кричу я еще громче.

Содержание



| | |
|--|-----|
| Симона Вилар. Домовенок | 5 |
| Наталья Костина. Лотерея | 30 |
| Светлана Талан. Тридцатое декабря | 61 |
| Лиля Подгайская. Сюрприз новогодней ночи | 90 |
| Марина Раевская. Новогодний шарик | 110 |
| Елена Печорная. Улыбка ангела, или Рождественская история | 140 |
| Таня Винк. Кафе «Полюс» | 149 |
| Галина Матвеева. Почти | 183 |

Літературно-художнє видання

Новорічні історії

Збірка

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 05.10.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Новогодние истории

Сборник

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 05.10.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Ніщо так не зігріває холодними вечорами, як обійми коханої людини. Але що робити, якщо в новорічну ніч ти залишився один?

Вероніка вирішила поїхати до друзів, але застрягла на дорозі. І зустріла Новий рік із симпатичним таксистом...

Дід Мороз Анатолій, який переплутав квартири, потрапив у гості до дівчини Ані. Йому здається, що вони знайомі сто років. Що, як це доля?

У новорічну ніч кохання можна випадково зустріти в черзі в супермаркеті, або в порожньому парку, або в потягу. Головне — вірити в диво, і воно обов'язково станеться!

Новогодние истории : сборник / Симона Вилар, Светлана Та-
Н74 лан, Наталья Костина, Елена Печорная, Лиля Подгайская,
Марина Раевская, Таня Винк, Галина Матвеева. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с.

ISBN 978-617-12-5076-5

Ничто так не согревает холодными вечерами, как объятия любимого человека. Но что делать, если в новогоднюю ночь ты остался один?

Вероника решила отправиться к подругам, но застряла на дороге. И встретила Новый год с симпатичным таксистом...

Дед Мороз Анатолий, перепутавший квартиры, попал в гости к девушке Ане. Ему кажется, что они знакомы сто лет. Быть может, это судьба?

В новогоднюю ночь любовь можно случайно встретить в очереди в супермаркете, или в пустом парке, или в поезде. Главное — верить в чудо, и оно обязательно случится!

УДК 821.161.1(477)